

Особенно большое значение в этот период придавалось вступлению в войну Московского государства. Так, в Риме в 1672 г. считали, что мир и союз поляков с русскими может обезопасить Польское королевство от угрожавшего ему вторжения турок.²⁸

В посланиях султана угроза нападения и войны занимает центральное место. Огромное войско, «аки водная потопа», «аки грозная туча», пойдет в землю короля, «и ту землю разорят и выпустшат, и выжгут», «станут... города и замки разоряти и опустошити, и волочити, и в пепел и в пыль их зделают». «Яз до вас, вашего царского двора и столицы прииду навещати вас и всех ваших приобщников поляков, и все силы ваши нашими войски разорим и разгоним убиствы и разорением»; султан говорит: «... вас, малою землею владеющих, и королевства ваши мечем поимать, ключ и престол римъский и скифетр избранный выгубим без остатку разорим и разгоним». Цесарю Леопольду султан обещает: «... вся твоя земля, города и страны никогда имети не будут покоя, яко устави мысль моя погубити тя купно с людьми твоими без малыя времени мешкоты и немецкую землю всю разорити, расточити, ничего не оставляя в ней и в государстве твоём, токмо вечную память страха и пролитие крови, саблею мою сотворенное тамо».

Этим грамоты цикла, отражая интерес русских дипломатических кругов к состоянию войны и мира европейских государств с Турцией, переключаются с официальными документами. Уже в куранты 1621 г. попала речь польского посла Георгия Оссолинского, произнесенная перед английским королем. В ней, говоря о необходимости христианским государям помогать друг другу в войне с турками, посол подчеркивал, что султан заявляет, будто «и без божия помочи может поляков одолеть и чаеть не токмо нас одних под себя подвесть, но и все крестьянские земли хочет победити».²⁹

В 1673 г. в грамоте, посланной Алексеем Михайловичем папе с Павлом Менеziем, были высказаны опасения по поводу того, что султан вслед за Подолой овладеет Данцигом и распространит свои владения от Каспийского моря, Персидского залива, Черного и Средиземного морей до Балтийского моря. Эти опасения разделяли в Риме.³⁰

Об агрессивных планах турецкого султана неоднократно сообщалось и в русских официальных документах. Так, в царском указе князю Рододановскому о выступлении на помощь полякам против турок в октябре 1672 г. говорится, что султан «послал из Каменца во многие места многие свои силы войною на расхищение и на пагубу призывающих имя господне, и тщит с теми своими многочисленными войски в государство его, королевского величества, обовладеть и далее войною во окрестные христианские государства вступить паче ж на наше великого государя государство тщитися войною».³¹

Война с турками в грамотах, как и в официальных документах, рассматривается как война за правую веру.

На известном в Посольском приказе материале основана та часть грамот, в которой султан описывает казни христианских жен и детей путем «взбивания» на кол. Очевидцы действительно присылали в Москву вести о зверствах турок в занятых городах.³²

²⁸ Н. В. Чарыков. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менеziя (1637—1694). СПб., 1906, стр. 97—98 (письмо кардинала Алтиери к монсиньору Рануччи, нунцию в Варшаве), стр. 752.

²⁹ ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 26, Копии курантов, стр. 50—59 (склейки 66—76).

³⁰ Н. В. Чарыков. Посольство в Рим..., стр. 34.

³¹ АЮЗР, т. XI, стлб. 54—55.

³² См. показания стрельца Алексея Зиновьева: АЮЗР, т. XI, стлб. 642.